

И С Т О Р И Я   В   О Д Н О М   Т О М Е

Barbara W. Tuchman

THE GUNS OF AUGUST

Барбара Такман

АВГУСТОВСКИЕ ПУШКИ

Издательство АСТ
Москва

УДК 94(100)''1914''
ББК 63.3(0)
Т15

Barbara W. Tuchman
THE GUNS OF AUGUST

Перевод с английского А. Милюкова

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Russel & Volkening Inc.
и Prava I Prevodi International Literary Agency.

Книга подготовлена издательством «Мидгард» (Санкт-Петербург).

Такман, Барбара.

Т15 Августовские пушки / Барбара Такман ; [пер. с англ. А. Милюкова]. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 571, [5] с.

ISBN 978-5-17-106869-1 (С.: История в одном томе)
Компьютерный дизайн В. Воронина

ISBN 978-5-17-085857-6 (С.: Страницы истории)
Компьютерный дизайн Г. Смирновой

«Августовские пушки» — одна из самых значительных исторических работ XX века. Она удостоена Пулитцеровской премии, выдержала множество переизданий и переведена на все ведущие языки мира, а президент Джон Кеннеди рекомендовал ее к обязательному прочтению своему окружению во время Карибского кризиса. Он видел в книге Барбары Такман яркое описание лавинообразного процесса сползания к войне в условиях острого международного кризиса и опасался, что в неустойчивом мире, обладающем ядерным оружием, сходная ситуация может привести к еще более катастрофическим последствиям.

...Неумолимая логика событий постепенно затягивает не желающие, в сущности, воевать державы в кровавый водоворот. Но почему проваливаются все многочисленные попытки предотвратить начинающуюся катастрофу?

УДК 94(100)''1914''
ББК 63.3(0)

© Barbara W. Tuchman, 1962
copyright renewed 1990 by Dr. Lester Tuchman
© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

Человеческое сердце — вот источник всего,
что имеет отношение к войне.

Мориц Саксонский.
Теория военного искусства (1732)

Жуткие «если бы» накапливаются...

Уинстон Черчилль.
Мировой кризис. Т. 1. Гл. XI

ПРЕДИСЛОВИЕ К ИЗДАНИЮ 1988 ГОДА

Эта книга обязана своим появлением на свет двум предыдущим текстам, написанным мною и посвященным, так или иначе, Первой мировой войне. Первый текст, под названием «Библия и меч», рассказывал о предыстории «декларации Бальфура», принятой в 1917 году в преддверии вступления британцев в Иерусалим в ходе войны с турками на Ближнем Востоке. Поскольку Иерусалим является священным центром иудео-христианской религии, а также священным городом для мусульман (в то время, к слову, ему не придавали такого значения как сегодня), вступление британских частей в этот город сочли событием, которое требовало неких символических жестов и определенного «этического обоснования». Официальное заявление, признающее Палестину исторической родиной населения этой области, было опубликовано именно с этой целью, а вовсе не стало отражением «ярого филосемитизма» британского правительства. Впрочем, нельзя отрицать и влияние других факторов — в частности, пронизанности британской культуры библейскими мотивами, прежде всего мотивами Ветхого Завета, а еще, если воспользоваться цитатой из «Манчестер гардиан», «насушной логики боевых действий на берегах Суэцкого канала». Иными словами — Библии и меча.

Вторая из книг, предшествовавших «Пушкам», называлась «Телеграмма Циммермана» и была посвящена предложению министра иностранных дел Германии в те годы, Артура Циммермана, побудить Мексику и Японию к заключению союза и нападению на Соединенные Штаты; причем Мексике сулили возврат утраченных территорий — штатов Аризона, Нью-Мексико и Техас. Суть предложения Циммермана сводилась к тому, чтобы занять США делами на Американском континенте и тем самым

воспрепятствовать их вступлению в войну в Европе. Результат оказался обратным желаемому: телеграмма президенту Мексики была перехвачена и расшифрована англичанами и предоставлена в распоряжение правительства США. Волна возмущения в американском обществе значительно ускорила вступление Соединенных Штатов Америки в войну.

Я всегда полагала, штудирюя исторические источники, что 1914 год был тем самым мгновением, когда «пробили часы», той датой, которая завершила девятнадцатое столетие и начала отсчет нашего века, «грозного двадцатого», как обронил Черчилль. В поисках темы для книги я вдруг поняла, что 14-й год походит как нельзя лучше. Оставалось лишь наметить рамки и сообразить, с чего начинать. И тут, когда я ошупью искала правильный подход к материалу, произошло маленькое чудо — мой агент позвонил с вопросом: «Хотите пообщаться с издателем, который хочет выпустить книгу о 1914 году?» Я была поражена до глубины души таким совпадением, но нашла в себе силы промямлить: «Да, конечно»; при этом меня несколько задело, что кому-то еще пришла в голову та же идея, что и мне самой.

Издателем оказался англичанин Сесил Скотт из «Макмиллан», ныне уже покойный, и при встрече он поведал мне, что хочет получить текст с правдивой историей битвы при Монсе 1914 года, первой иностранной операции британского экспедиционного корпуса (БЭК); эта битва имела важнейшее значение и вдобавок обросла легендами о сверхъестественном вмешательстве в людские дела. После встречи с мистером Скоттом я отправилась кататься на лыжах в Вермонт — и прихватила с собой чемодан книг.

Домой я возвратилась с желанием написать книгу о прорыве «Гебена», немецкого крейсера, который, ускользнув от погони англичан в Средиземном море, достиг Константинополя и вовлек Турцию и всю Османскую империю в войну, определив ход истории Ближнего Востока на десятилетия вперед. «Гебен» представлялся мне естественным выбором, поскольку он был частью нашей семейной истории, к которой я приобщилась в возрасте двух лет. Моя семья вместе со мной пересекала Средиземное море, направляясь в Константинополь, где мой дед состоял послом США при Оттоманской Порте. В кругу нашей семьи часто вспоминали, как пассажиры с палубы видели клубы дыма, как

один корабль насакивал на два других и как «Гебен» прибавил ход и скрылся; по прибытии в Константинополь мы оказались первыми, кто поставил чиновников и дипломатов в известность об этом морском бое. Моя мать вспоминала и о продолжительном допросе, которому ее подверг посол Германии, не позволяя сойти на берег и обнять отца; с ее слов я составила свое первое впечатление о немецкой манере общения.

Почти тридцать лет спустя, вернувшись с лыжного уикенда в Вермонте, я сообщила мистеру Скотту, что вот история из 1914 года, о которой я хотела бы написать. Он не согласился. Ему по-прежнему не давал покоя Монс. Как экспедиционный корпус сумел отбросить немцев? И вправду ли над полем боя появился ангел? И откуда вообще взялась легенда об ангелах Монса, столь популярная впоследствии на Западном фронте? Честно говоря, меня саму «Гебен» интересовал куда больше, чем ангелы Монса, но важнее всего было то, что нашелся издатель, готовый опубликовать книгу о 1914 году.

Война в целом казалась темой слишком грандиозной и для меня неподъемной. Но мистер Скотт настаивал, что я вполне способна к ней подступить, и когда я составила перечень событий первого месяца войны, в который включила все, в том числе «Гебен» и битву при Монсе, чтобы потрафить нам обоим, — стало понятно, что проект действительно осуществим.

Увязнув среди всех этих армейских корпусов с римскими цифрами вместо имен собственных и левых и правых флангов, я вскоре ощутила, что мне следовало бы поучиться в академии генерального штаба лет десять как минимум, прежде чем браться за подобную книгу, в особенности когда попыталась объяснить, как отступавшие французы сумели в самом начале войны вернуть себе Эльзас. Как-то я выкрутилась, освоив технику маневрирования, которой учится любой автор исторических исследований: слегка «затушевать» факты, если ты не в силах осознать картину во всей полноте. Гиббон поступал точно так же, выстраивая свои певучие и протяженные предложения, которые, если проанализировать их по отдельности, зачастую малоосмысленны — зато обладают надлежащей структурой. Я не Гиббон, разумеется, но я познала ценность углубления в неведомое без возвращения к предыдущим исследованиям, где уже все известно и знакомо — и исходный материал,

и лица, и обстоятельства. Конечно, последнее изрядно облегчает работу, но лишает новизны и восторга открытия, а ведь именно по этой причине я взялась за новую тему для новой книги. Возможно, критики со мной не согласятся, но лично меня это радует. Так как меня почти не знала широкая публика, «Августовские пушки», будучи опубликованными, удостоились не критического разгрома, а удивительно теплого приема. Клифтон Фейдимен так отозвался о «Пушках» в бюллетене «Книга месяца»: «С громкими словами надо быть осторожнее; тем не менее есть шанс, что “Августовские пушки” могут со временем стать исторической классикой. Работе присущи едва ли не фукидидовские добродетели: глубина, краткость, масштабность. Посвященная краткому периоду непосредственно до и сразу после начала Первой мировой войны, эта книга, как и “История” Фукидида, выходит за свои пределы и за заявленные рамки повествования. В своей жесткой, “скульптурной” стилистике эта книга фиксирует те моменты, которые породили наше нынешнее время. Она оценивает наши страхи в долгосрочной перспективе, утверждая, что если большинство мужчин, женщин и детей в мире в скором времени окажутся распыленными на атомы, произойдет это, как ни поразительно, вследствие артиллерийской канонады в августе 1914 года. Быть может, я упрощаю, но именно таков авторский посыл, преподносимый без истерик и оттого еще более жуткий. Книга утверждает, что тупик “страшного августа” определил весь дальнейший ход войны и условия мира, сформировал проблемы межвоенного периода и привел в итоге к новой войне».

Далее Фейдимен перечислил основных действующих лиц повествования и заметил, что «одним из талантов настоящего историка является способность проецировать человеческие мысли и чувства, а не только рассказывать о событиях». Он выделил основные символические фигуры в моем представлении — кайзер, король Альберт, генералы Жоффр и Фош, среди прочих, упомянул о том, как я обрисовала их, размышлял, что мною двигало и удалось ли мне справиться с поставленной задачей. Меня настолько тронула похвала Фейдимена, не говоря уже о сравнении с Фукидидом, что я даже расплакалась, чего раньше никогда не случалось. Идеальное понимание, каковое, возможно, случается лишь однажды в жизни.

Полагаю, в предисловии к юбилейному изданию следует оценить, сохранила ли книга свое значение сегодня. Думаю, да. В ней нет глав, абзацев и фраз, которые мне хотелось бы переписать.

Самая известная часть книги — ее первая глава с описанием похорон Эдуарда VII, а вот заключительный абзац послесловия выражает самую суть работы, точнее, значение Великой войны для истории человечества. Может быть, самонадеянно с моей стороны так говорить, но я считаю, что этот абзац ничуть не хуже любого другого резюме событий Первой мировой войны, что я знаю.

К похвалам Фейдимена неожиданно добавилось поразительное предсказание «Паблишерз уикли», этой библии книжной торговли. «Августовские пушки», утверждалось в еженедельнике, «просто обязаны стать бестселлером в разделе новой публицистики этой зимой». Увлечшись восхвалениями, еженедельник, в довольно эксцентричной стилистике, заключил, что эта книга «заразит американских читателей новым энтузиазмом в отношении тех поистине электризирующих моментов, какими до сих пор пренебрегали любители истории...» Не думаю, что слово «энтузиазм» применимо к трагедии Великой войны, сама я точно бы его не употребила, как не стала бы и рассуждать об «электризирующих моментах» или говорить о пренебрежении историей Первой мировой, учитывая длинный список посвященных ей работ в Нью-йоркской публичной библиотеке. Но в целом читать эту рецензию было приятно. Особенно если вспомнить, сколь часто в процессе работы меня посещала депрессия и я писала мистеру Скотту: «Да кто будет это читать?» А он отвечал: «Двое — вы и я». Это несколько не обнадеживало, и тем удивительнее оказались положительные отзывы на книгу. Как выяснилось, еженедельник ничуть не преувеличил. «Пушки» расходились, как горячие пирожки, и мои дети, которым я передала роялти и иностранные права, до сих пор получают чеки с известными суммами. Да, если разделить эти суммы натрое, они, возможно, и не столь велики, но приятно сознавать, что и двадцать шесть лет спустя книга находит новых читателей.

Я счастлива, что нынешнее издание представляет мою книгу новому поколению, и надеюсь, что и в своем зрелом возрасте она не утратила шарм — то есть, будет по-прежнему интересна.

Барбара Такман

ОТ АВТОРА

Эта книга многим обязана прежде всего мистеру Сесилу Скотту из издательства «Макмиллан», чьи советы и знание предмета оказались поистине неоценимыми и чью поддержку я ощущала на всем протяжении работы над текстом. Мне также посчастливилось сотрудничать с мистером Деннигом Миллером, стараниями которого удалось прояснить много темных мест и сделать эту книгу значительно лучше, чем она могла бы быть. Я безмерно признательна ему за помощь.

Я хотела поблагодарить «ресурсообильную» Нью-йоркскую публичную библиотеку и одновременно выразить надежду, что когда-нибудь и в моем родном городе найдут возможность предоставить ученым доступ к богатейшим хранилищам местной библиотеки. Я также благодарю библиотеку Нью-йоркского общества за неизменное радушие ее персонала и за тишину и уют ее залов; миссис Агнес Ф. Петерсон из Гуверовской библиотеки в Стэнфорде за редкие экземпляры книг и за изыскания по моей просьбе; мисс Р. Э. Б. Кум из Имперского военного музея в Лондоне за подбор иллюстраций; сотрудников Парижской библиотеки современных документов за предоставление оригиналов приказов и донесений; мистера Генри Сакса из Артиллерийской ассоциации за технические консультации и пополнение моих слабых познаний в немецком языке.

Читателям я должна пояснить, что отсутствие в книге упоминаний о ситуации в Австро-Венгрии и Сербии, а также на русско-австрийском и сербско-австрийском фронтах продиктовано не совсем субъективными соображениями. Балканы — извечная проблема и совершенно отдельная история войны, так что мне

показалось, что без них логика изложения не пострадает, а книга не увеличится в объеме до невообразимых размеров.

Долго изучая военные мемуары, я надеялась обойтись в своей книге без римских цифр в обозначениях подразделений, но сложившаяся практика оказалась сильнее моих благих намерений. Я ничего не могу поделать с римскими цифрами, которые, такое ощущение, неразрывно связаны с армейскими частями; зато я могу предложить читателю полезное правило левого и правого речных берегов (когда смотришь вниз по течению): даже когда армии разворачиваются и отступают, они сохраняют те же «координаты», что и при наступлении, то есть «лево» и «право» остаются для них теми же самыми.

Источники цитат и описаний указаны в библиографии. Я старалась по возможности избегать спонтанной атрибуции и стиля «он должен был так подумать»: «Глядя, как исчезает вдаль побережье Франции, Наполеон, должно быть, вспоминал былые дни...» Все погодные условия, мысли и чувства, размышления общего и частного свойства на страницах этой книги имеют документальное подтверждение.

ГЛАВА 1

ПОХОРОНЫ

Столь величественным было зрелище в майское утро 1910 года, когда девять монархов ехали вместе за похоронным поездом короля Англии Эдуарда VII, что по толпе, притихшей в ожидании и одетой в траур, прокатился гул восхищения. В алом и голубом, зеленом и пурпурном, по трое в ряд монархи миновали дворцовые ворота — в шлемах с перьями, с золотыми аксельбантами, малиновыми лентами, в усыпанных бриллиантами орденах, сверкавших на солнце. За ними двигались пятеро прямых наследников, сорок императорских или королевских высочеств, семь королев — четыре вдовствующие и три правящие, — а также множество специальных послов из некоронованных стран. Вместе они представляли семьдесят наций на самом большом и, очевидно, последнем в своем роде собрании королевской знати и чинов, когда-либо съезжавшихся в одно место. Колокола на часовой башне парламента приглушенно пробили девять утра, когда кортеж покинул дворец. Однако часы истории указывали на закат, и солнце старого мира опускалось в угасающем зареве великолепия, которому предстояло исчезнуть навсегда.

В центре первого ряда ехал новый король Георг V, слева от него находился герцог Коннахт, единственный из оставшихся в живых братьев покойного короля, а справа — человек, которому, как писала «Таймс», «принадлежит первое место среди прибывших из-за границы плакальщиков, даже в моменты наиболее напряженных отношений эта персона всегда пользовалась у нас популярностью», — Вильгельм II, император Германии. Верхом на сером коне, одетый в алую форму английского

фельдмаршала, он держал в руках маршальский жезл. Лицо кайзера со знаменитыми закрученными вверх усами было «мрачным, почти жестоким». О том, какие чувства волновали эту легковозбудимую, впечатлительную натуру, можно узнать из его писем: «Я горд назвать это место своим домом, быть членом этой королевской семьи», — писал он в Германию, проведя ночь в Виндзорском замке, в бывших апартаментах своей матери. Сентиментальность и грусть, вызванные печальными событиями, боролись с гордыней, проистекавшей из чувства превосходства над собравшимися монархами, и жгучей радостью по поводу исчезновения его дяди с европейского горизонта. Он приехал хоронить Эдуарда — проклятие своей жизни, главного творца, как считал Вильгельм, политики изоляции Германии. Эдуард, брат матери Вильгельма, которого он сам не мог ничем ни запугать, ни поразить, своей дородной фигурой заслонял Германию солнцем. «Это — сам Сатана. Трудно представить, какой он Сатана!»

Эти слова, произнесенные кайзером перед тремястами гостями на обеде в Берлине в 1907 году, явились результатом одного из путешествий Эдуарда по Европе, предпринятого ради осуществления дьявольской идеи изоляции Германии. Он неспроста пробыл неделю в Париже, без всяких видимых причин посетил короля Испании (только что женившегося на его племяннице) и завершил свою поездку визитом к королю Италии с явным намерением соблазнить его на выход из Тройственного союза с Германией и Австрией. Кайзер, владелец наиболее несдержанного языка в Европе, в порыве неистовства высказал тогда одно из тех замечаний, которые периодически, в течение двадцати лет его правления, вызывали у дипломатов нервные потрясения.

Теперь, к счастью, «Окружатель» был мертв, и его место занял Георг, который, как сказал кайзер Теодору Рузвельту за несколько дней до похорон, был «очень хорошим мальчиком» (сорока пяти лет, на шесть лет моложе кайзера). «Он настоящий англичанин и ненавидит всех иностранцев, против чего я не возражаю, если, конечно, он не будет ненавидеть немцев больше, чем других». Сейчас Вильгельм уверенно ехал рядом с Ге-